

Анна Викторовна ЩЕТИНИНА¹

УДК 811.161.1'373.4

ЦВЕТОВЫЕ НОМИНАЦИИ *HOMO SOCIALIS*¹

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и иностранных языков,
Российский государственный профессионально-
педагогический университет (г. Екатеринбург)
anna-73.schetinina@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос социальных номинаций человека через цветовые характеристики. Актуальность исследования обусловлена важностью анализа слов с социальной семантикой, составляющих фонд русской социальной лексики, полное описание которого в настоящее время отсутствует. Проводится анализ адъективов, субстантивов и фразеологических сочетаний, а также неидиоматических составных наименований, представленных в лексикографических источниках и газетном дискурсе. Отмечается, что, как показывает семантический и дискурсивный анализ лексики, социальные семантические множители могут локализоваться как в ассертивной зоне значения, так и в семантической пресуппозиции. Кроме того, социальные коннотации могут быть репрезентированы в прагматической пресуппозиции, в частности, в газетном дискурсе, и служить источником для формирования новых значений.

Автор анализирует цветовые номинации *homo socialis*, в которых социальный компонент присутствует в ассертивной и пресуппозиционной зонах значений. Материал извлечен из толковых словарей и включает языковые факты из разных идиомов. Показано, что цветовые номинации людей фиксировались словарями в разные исторические периоды, но наиболее актуальны и продуктивны в настоящее время. Автором составлены идеограммы цветообозначений антропоцентрической сферы. Дается комментарий особенностям локализации социальной семантики.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Цитирование: Щетина А. В. Цветовые номинации *homo socialis* / А. В. Щетина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 1. С. 57-71.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-57-71

Ключевые слова

Социальная лексика, социальные семы, этнолингвистика, цветовые номинации, ассертивная / пресуппозиционная зоны значения.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-57-71

Цветообозначения в языке актуализируют те понятия, которые имеют для представителей языковой общности определенную значимость. В свою очередь номинируемое понятие может иметь ценность как для межличностных отношений, так и для социального взаимодействия, что отражается и в семантике слова (в ассертивной зоне или семантической пресуппозиции), и в его контекстной репрезентации (в прагматической пресуппозиции). В настоящем исследовании нас интересуют антропоцентрические цветообозначения, в семантике которых актуализируется социальный компонент, в частности отражающий социальную характеристику человека. Данные номинации рассматриваются как часть лексической системы языка, охватывающей социальную лексику, полное описание которой в настоящее время отсутствует.

Цветообозначения в русском и других языках привлекают исследователей, рассматривающих цвет в аспекте когнитивной, психолингвистической, этнокультурной, антропологической парадигм в синхронии и диахронии [1, 2, 5, 6, 7, 9, 11, 16, 17 и др.]. «Без преувеличения можно сказать, что имена цвета неизменно находятся в фокусе внимания сменяющих друг друга научных парадигм, и каждая из них выдвигает по отношению к цветообозначениям новые проблемы и новые исследовательские задачи» [5, с. 6]. Задача данного исследования заключается в рассмотрении адъективных, субстантивных цветовых номинаций, а также фразеологем и неидиоматических составных наименований с цветовым компонентом в аспекте актуализации социальной семантики. В настоящей работе не анализируются цветовые дериваты, хотя этот материал, безусловно, интересен с точки зрения его включения в фонд социальной лексики и будет описан в другой статье.

В круг социальной лексики мы включаем слова, в значениях которых есть социальные компоненты, представляющие собой «семы, которые делают очевидной, объективируют принадлежность номинируемого объекта, его свойства или действия к сфере институционального общения ('специалист', 'должностное лицо'; 'служащий', 'сотрудник'; 'власть', 'организация' и т. д.)» [18, с. 174]. При этом учитывается, что социальные семы могут присутствовать как в ассертивной, так и в пресуппозиционной зонах значения, в том числе и на периферии значения [8]. В соответствии с данным положением мы можем выделить семантические группы языковых единиц, в значениях которых присутствует социальная коннотация в ядерной и периферийной зонах.

Цветообозначения *homo socialis* извлекались из толковых словарей, включающих лексику разных социальных идиомов, а также из газетного дискурса, поскольку социальность является одной из его определяющих характеристик.

Кроме того, привлеклись словари, включающие лексику с XI по XXI вв., поскольку «вопросы, связанные с механизмом семантических изменений, их причинами, классификацией и, что самое важное, с исследованием закономерностей этих изменений, до сих пор не получили в современном языкознании логического завершения, хотя глубоко и тщательно прорабатывались» [6, с. 5]. В результате выборки выделены 63 антропоцентрические цветовые номинации (адъективы, субстантивы, фразеологизмы и неидиоматические составные наименования) с социальной семантикой, проанализировано 548 контекстов, представляющих данные номинации.

Цветовые номинации с социальным компонентом в ассертивной зоне значения и в семантической пресуппозиции

Данная группа включает языковые единицы, если в значениях, зафиксированных в словарях, есть социальные семы прежде всего в ассертивной зоне значения. Однако, учитывая, что словари могут по-разному фиксировать лексему и, кроме того, все цветообозначения человека метафоричны, мы включаем в эту группу слова, у которых социальная семантика актуализируется не только в ассертивной зоне, но и в семантической пресуппозиции.

Прилагательное «зеленый» представлено в словарях XI-XVII и XVIII вв. только в значении характеристики неодушевленных объектов (хотя полисемичность слова указывает на его значимость для языкового сознания человека того времени). Антропоцентрическое значение, т. е. такое, которое содержит социальный компонент, появляется в «Словаре русского языка»: перен. Очень юный, не достигший зрелости; неопытный вследствие молодости. Зеленый юнец. «Воспоминание о той минуте — не доставляло мне ни малейшего удовольствия. Я вел себя как самый зеленый гимназист» (Короленко, «С двух сторон») [14, т. 1, с. 606.] (социальные семы: 'не достигший зрелости', 'неопытный'; в иллюстрациях сочетаемость с социальной лексемой «гимназист»). В «Толковом словаре языка Совдепии», содержащем описание языковых фактов, отражающих реалии и идеологемы советского времени, представлен субстантиват «зеленый», который имеет значение: Обиходное название членов контрреволюционных партизанских отрядов, скрывавшихся в лесах в годы гражданской войны. «Зеленые, синие, бурые — сходились друг другу в масть, но мы отстояли, товарищ, нашу советскую власть» (Прокофьев, «Стихотворения и поэмы») [12, с. 215] (ядерные социальные семы: 'член', 'контрреволюционные', 'партизанские', 'отряды'). Интересно, что в «Словаре русского языка» данное значение не представлено, видимо, в связи с тем, что к середине XX в., когда начал создаваться данный лексикографический источник, оно утратило актуальность и не относилось к общеупотребительной лексике, которую включает словарь. Однако негативная социальная коннотация значения слова «зеленый» сохранилась в фонде арготической лексики: зеленый — осужденный за партизанскую войну против Советской власти в Западной Украине, Прибалтике и др. «Локарь срок мотал еще при Сталине, когда в лагерях было полно зеленых» [3, с. 350] (пере-

сечение между ними находим в семе 'партизанский' и в семах 'контрреволюционный' и 'против Советской власти', указывающих на противоправность деятельности, хотя, очевидно, речь идет о разных партизанах: в первом случае — времен гражданской войны, а во втором — о «лесных братьях» в Прибалтике и «бандеровцах» на Украине, действовавших в 1940-1950 гг.; номинация «зеленый», вероятно, мотивирована тем, что партизаны, как правило, скрывались в лесах, хотя словарь не фиксирует данную сему, только в иллюстрации к лексеме «партизан»: «В этих лесных местах очень храбро и неуловимо действовали партизаны. Они разрушали мосты, пускали под откосы немецкие поезда, нападали на гарнизоны в деревнях» (Гладков, «Павлушкины голуби») [14, т. 3, с. 26.]. Кроме того, характеристика человека, занимающегося противоправной деятельностью, сохраняется в значении омонимичного арготизма «зеленый» — член воровской группировки, грубо нарушающий режим ИТУ. «Как-то администрация попыталась договориться с зелеными ...» [3, с. 350]. Таким образом, судя по репрезентации лексемы «зеленый» в лексикографических источниках, интегрированная в его значение социальная семантика, отражающая противоправную, в том числе контрреволюционную деятельность, в середине XX в. утратила актуальность, и слово исчезло из фонда общеупотребительной лексики, но сохранилось в жаргоне.

В Словарных материалах О. В. Григоренко, отражающих названия лиц, появившихся в русском языке в конце XX — начале XXI в., лексема возвращается со значением «член организации»: Исламисты; представители исламистских организаций [4, с. 150], при этом в иллюстрации актуализируется негативная социальная коннотация, связанная с революционной деятельностью. «Кризис легко приводит к дестабилизации. В качестве вариантов называют сразу два типа революций — оранжевую и зеленую. Ни та, ни другая России не нужна, хотя опыт подсказывает, что с зелеными (то есть исламистами) ей договариваться сподручнее, чем с оранжевыми». НГ, 23.03.2009 [4, с. 50].

Однако в газетных контекстах репрезентированы не только значения, зафиксированные в лексикографических источниках, но и семантические новообразования, также имеющие в значении социальную коннотацию: зеленые (сокращенное наименование Российской экологической партии «Зеленые»): «“Зеленые” и социал-демократы объединились в единый альянс» [13: Анастасия Кашеварова. Фетисов объединился с Гудковыми и Пономаревым // Известия, 2014.01.25]; неидиоматическое составное выражение «зеленые человечки» (они же «вежливые люди» — эвфемизм для обозначения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в военной форме без знаков различия, блокировавших стратегические объекты в Крыму во время крымского кризиса): «“Зеленые человечки”», находившиеся в Крыму, были российскими военнослужащими, следует из ответов Путина в четверг в ходе прямой линии» [13: Михаил Рубин. Президент объяснил политику по отношению к Украине, Европе и США. РБК Дейли, 2014.04.18]; в другом значении «зеленые человечки» — это инопланетяне: «Ведь “мертвые души” регистрируют на “полу-

тора квадратных метрах” не абстрактные зеленые человечки из числа неуловимых инопланетян, а самые обыкновенные чиновники» [13: Александр Гамов, Александр Гришин. Прописал в однушке триста мигрантов? Сам пойдешь в казенный дом! Комсомольская правда, 2013.01.12]. Нужно отметить, что в контекстах не содержится резко негативной оценки в отношении людей, номинируемых лексемой «зеленый», но социальная коннотация очевидна, что подтверждает наблюдения, согласно которым социальное может реализовываться в прагматической презумпции.

Другой антропоцентрической цветовой номинацией с социальным компонентом в ассертивной зоне значения является прилагательное «красный»: Относящийся к революционной деятельности, революционный; связанный с Советским строем, с Красной Армией. <...> || До революции — крайний левый по политическим убеждениям; революционно настроенный [14, т. 2, с. 122]. Более подробное описание данная номинация имеет в «Толковом словаре языка Совдепии», где красный — это полисемант, имеющий три значения, два из которых непосредственно связаны с социальной характеристикой человека: 1. Относящийся к революционной деятельности; связанный с советским строем, с Красной армией. <...> 2. Коммунист, сторонник советской власти; боец Красной Армии [12, с. 290-292]. При этом словарная статья включает неидиоматические составные наименования, которые отражают реалии, актуальные в первые годы Советской власти: красный командир (лицо, принадлежащее к командному составу Красной Армии); красные конники (бойцы конных соединений С. М. Буденного); красный юнкер (курсант военного училища, перешедшего на сторону Советской власти во время революционных событий 1917 г.); красный профессор (выпускник Института красной профессуры, преподаватель общественных дисциплин); красный курсант (воспитанник военного училища, перешедшего на сторону Советской власти во время революционных событий 1917 г., воспитанник советского военного училища (в первые годы советской власти) [12, с. 290].

Интересно отметить, что в современном газетном дискурсе появились неидиоматические составные наименования с прилагательным «красный», отражающие реалии нового времени: красные директора (руководители предприятий в 90-е гг., работавшие еще в период существования Советского Союза): «Были среди них и “красные директора”, но большая часть этих гениев хозрасчета, которых пятью-шестью годами ранее воспевал “Прожектор перестройки”, не смогла отразить напор новоиспеченных банкиров и корпоративных рейдеров, умевших к тому же лучше находить общий язык президентской командой реформаторов» [13: Александр Бирман. Роковая ошибка «ресурсократов». Известия, 2014.02.21]; красные губернаторы (губернаторы, являющиеся членами КПРФ); красные блоггеры (активисты от КПРФ, занимающиеся пропагандистской работой в Интернет-сетях): «Если это будет в грубой форме, дескать, мы — “красные блоггеры”, наш отряд скачет по сетевой степи, это будет не очень удачно, ведь кавалеристским наскоком такие вещи не решаются» [13: Светлана

Субботина, Сергей Звезда. Коммунисты выпускают первую партию «красных блогеров». Известия, 2013.07.19]. Таким образом, можно предположить, что с учетом исторического контекста и довольно активной роли Коммунистической партии РФ в настоящее время прилагательное «красный» может мотивировать появление новых значений и выражений в современном русском языке.

В «Словаре тысячелетнего русского арго» представлены омонимы, при этом «красный» имеет социальную семантику в ассертивной зоне значения (1. Воспитанник ВТК, не соблюдающий воровские законы. 2. Заключенный-активист в местах лишения свободы [3, с. 447], или же обозначает только цвет волос, т. е. личностную характеристику (= рыжий: «Красный мужик тут подходил, спрашивал Слона» [3, с. 447]).

В «Словаре XVIII века» прилагательное «красный» также отражает качество, относящееся к личной сфере: «Красивый» (о внешнем виде, наружности), однако социальная семантика появляется на периферии, в иллюстрации к одному из множества значений: К. жена, женщина: «Повелѣ иногда дионисии привести пред его три жены красны; дав ему на волю, да юже восхощет изберет. Апофегм. 13. Колхи начали промышлять людей, а наипаче красных женщин, чтоб их продавать в Константинополь». Оттом. имп. I 6. (в сочетании со словами «жена», «женщина» лексема «красный» приобретает социальный статус: в первой иллюстрации «жены красны» представлены с точки зрения социального статуса супруги, во второй «красных женщин» представляют как предмет торговли) [15, с. 237-242].

Семантически продуктивным является в настоящее время слово «черный». В Словарных материалах О. В. Григоренко данная лексема имеет значение: Разг. Уничиж. О человеке с темным, смуглым цветом кожи; о кавказце или о выходце из некоторых азиатских стран [4, с. 475]. Лексема маркируется как разговорная и уничижительная. Толковый словарь современного русского языка В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной включает такую же характеристику человека, но безоценочную: С темной кожей (как признак расы), а также (прост.) со смуглой кожей и темными волосами (как признак южного происхождения) [10, с. 870]. В обоих словарях слово «черный» имеет социальную коннотацию, но в словаре Григоренко — еще и негативную окраску, которая имеет место и в неидиоматических составных наименованиях с данным прилагательным: черный археолог, черный брокер, черный дилер, черный копатель, черный маг, черный пиарщик, черный риелтор, черный следопыт, черный юрист, — значения которых, будучи дифференцированы по признаку ‘род занятий’, объединяются семантикой незаконной деятельности (черный археолог, черный брокер и др.) или возможного негативного влияния на окружающих (черный маг, черный пиарщик), о чем свидетельствуют семы ‘незаконный’, ‘негативный’, ‘мошеннический’. В газетных контекстах появляются и другие неидиоматические составные наименования, которыми можно дополнить список: «На их территорию вторглись киевские военные и черные человечки национальной гвардии» [13: Эдуард Лимонов. Самопровозглашенные. Известия, 2014.06.14] (военная семантика, мотивиро-

ванная цветом формы); «Есть, правда, “синие бороды” и “черные вдовы”, но понятно, что речь не о них» [13: Виктор Топоров. Чум в Охотном Ряду. Известия, 2013.07.01] (гендерная семантика, мотивированная названием самки паука, съедающего самца после спаривания). Кроме того, в публицистике активно используются выражения, связанные с незаконной деятельностью людей: «черные нотариусы» («Подорожают нотариусы — появятся неофициальные скидки на услуги или черные нотариусы» [13: Максим Бруснев. Налог на сигареты нужно поднять в семь раз. Комсомольская правда, 2013.06.13]); «черные скорняки» («Я с удивлением узнал, что тушками интересуются черные скорняки» [13: Олег Адамович. Как я работал «живодером». Комсомольская правда, 2013.07.22]); «черные бизнесмены» («Рабовладельческую империю “черные бизнесмены” развернули под Карабашом» [13: Сергей Уфимцев. Рабы пять лет вкалывали на плантации курганского фермера. Комсомольская правда, 2013.04.05]); «черные кредиторы» («В магазине электроники “черные кредиторы” приобретают на имя нуждающегося человека смартфон, перепродают его и выдают человеку часть вырученных денег» [13: Виктор Логинов. Банки не желают кредитовать покупку смартфонов. Известия, 2013.08.23]) и др. Таким образом, семантика негативной социальной характеристики человека с участием прилагательного «черный» оказалась очень продуктивной с точки зрения образования новых выражений в современном газетном дискурсе.

Словарь русского языка не фиксирует значения и словоупотребления прилагательного «черный», связанные с незаконной деятельностью. В ассертивной зоне значения это характеризует человека с точки зрения его сословной принадлежности: в дореволюционной России: принадлежащий к низшим, не привилегированным сословиям, к простонародью [14, т. 4, с. 667-668], на ближней периферии, в оттенках значения, расу: 2. <...> || только полн. ф. Темнокожий (как признак расы). <...> | в знач. сущ. черный, -о го, м.; черная, -о й, ж., а также человека, выполняющего тяжелую работу: || Устар. Выполняющий физически тяжелую, грязную работу [14, т. 4, с. 667-668]. При этом словарная статья включает устойчивые выражения с прилагательным «черный», характеризующие человека по его сословной принадлежности: черная кость (устар. О человеке незнатном, не дворянине); черные люди (ист. В Русском государстве 12-17 вв. сельское население (черносошные крестьяне) и население посадов, платившее государственные налоги), а также выражение «черный поп» (устар. Монах в сане священника), которое связано с указанием на сословие священнослужителей, но указывает только на сан, а не на низкое сословие [14, т. 4, с. 668].

Цветовая номинация «белый», актуализируя социальную семантику в отношении человека, находится в противопоставлении с номинациями «красный» и «черный». Слово «белый» фиксируется в лексикографических источниках следующим образом. В ядерной зоне социальная семантика репрезентирована в значениях: 1. Действующий против советской власти в период гражданской войны; 2. То же, что белогвардеец [12, с. 50]; 3. В первые годы советской власти: контрреволюционный; 4. Со светлой кожей (как признак расы)

[10, с. 35]. Такие же значения фиксирует «Словарь русского языка», и, кроме того, фразеологизмы: белая ворона (о человеке, резко выделяющемся среди других, непохожем на окружающих); белая кость (устар. О человеке знатного происхождения); белое духовенство (часть православного духовенства, которая не дает обетов строгого воздержания, безбрачия и т. п. в отличие от черного (монашеского) духовенства) [14, т. 1, с. 78]; последнее выражение фиксируется и в «Словаре русского языка XVIII века», в нем же представлено выражение «Белый Царь» (почетное название русского царя у восточных народов. Азиатские народы Российских Монархов Бѣлыми Царями называли. ЕС 1763 I 382 [15, с. 196-97]).

В газетном дискурсе появляются новые номинации, реализующие социальную семантику в прагматической пресуппозиции: «белые воротнички» (офисные работники: «Китай для LinkedIn крайне перспективный рынок — конкуренция среди компаний за “белые воротнички” высокая, поэтому обычно сотрудники меняют место раз в два-три года, то есть даже быстрее, чем в Европе и США» [13: Юлия Калачихина. LinkedIn ищет «белые воротнички» в Китае. РБК Дейли, 2014.02.10]; «мертвые белые мужчины» (великие авторы в западном дискурсе: «Если кто забыл, напомним, что в западном интеллектуальном дискурсе существует понятие “мертвые белые мужчины”. Так обычно называют великих авторов западной цивилизации — поэтов, философов, художников, музыкантов, писателей и все в таком духе, внесших величайший вклад в культуру во всем ее многообразии — от самых ее вершин и до самых низов» [13: Александр Павлов. Вечная музыка для последнего танца. Известия, 2013.10.28]); «белые вдовы» (террористки: «Вчера в международный розыск объявили 29-летнюю англичанку Саманту Луизу Льютуайт — как ее сейчас называют, Белую Вдову. Женщину подозревают в соорганизации кенийского теракта, в котором погибли 72 и были ранены 200 человек» [13: Арина Холина. Феминизм для террористок. Известия, 2013.09.27]); оттенки значения «люди белой расы» с позитивной и негативной коннотацией: белые люди (цивилизованные люди, живущие в комфорте: «Бабушка фермера Прасковья Федоровна Кулинич всю жизнь мечтала ходить по селу как белые люди, не увязая по колено в грязи» [13: Андрей Артемкин. Пенсионерка завещала миллион на дорогу в своем селе. Комсомольская правда, 2014.07.01] и белые отбросы (представители белой расы, ведущие аморальный образ жизни: «Жаркой и душевной ночью белые отбросы приходят сюда, чтобы купить девочку. Это их способ исследовать Восток. Расстегнутое платье, груди наружу, холодные глаза той, кого продают. Манговое безумие в сезон муссонной печали» [Константин Волков. Нуар-эстеты Юго-Восточной Азии поют о дивных безобразиях. Известия, 2014.02.07]).

Еще две лексемы, характеризующие человека как *homo socialis* и имеющие социальные семы в ассертивной зоне, зафиксированы только в отдельных источниках: «розовая» (Разг. Лесбиянка) [4, с. 340], в то же время не зафиксировано слово «голубой» в значении «гей», хотя в контексте к указанной дефиниции оно упоминается: «На самом же деле современную Германию

можно назвать “Меккой” для “голубых” и “розовых” [4, с. 340], и “синий” (1. «Вор в законе», придерживающийся ортодоксальных традиций и норм поведения; 2. Профессиональный преступник [3, с. 831-832]). Кроме этих лексем в современном газетном дискурсе представлены давно существующие устойчивые выражения — синяя борода, синий чулок — и относительно новое: «синие воротнички» (работники, занятые физическим трудом: “Синие воротнички” не согласны — физический труд сильнее сказывается на здоровье (этот довод привели 68% опрошенных работников физического труда), и устаешь от него быстрее (с этим соглашаются 33%)) [13: Дарья Варламова. Интеллектуальный труд равен физическому по нагрузке. Комсомольская правда, 2012.03.13]).

Антропоцентрическое значение, связанное с голубым цветом, представлено только в «Словаре тысячелетнего русского арго»: 1. Гомосексуалист; 2. Заключенный, осужденный за мужеложество [3, с. 203]. Однако номинация «голубой» активно репрезентируется в первом значении в газетных контекстах, поскольку социальная роль гомосексуалиста в настоящее время активно демонстрируется обществу в аспекте борьбы за легализацию сексуальных браков, проведения гей-парадов и т. п.: «Не удивлюсь, если через несколько лет в России тоже разрешат однополые браки, отечественные и иностранные “голубые” парочки начнут активно осчастливливать своей “любовью” российских сирот, а РПЦ начнет рукополагать в священники женщин и геев» [13: Герман Пятов. Обреченные на гомосексуализм. Комсомольская правда, 2013.10.23]; «В публике укоренилось много мифов о гомосексуальности (и заразная она, и излечимая, только они не хотят лечиться и т. д.), в среде гомосексуалов тоже ходят мифы о себе и “натуралах” (все отчасти голубые, каждый подвержен и т. п.). Я как-нибудь напишу об этих мифах» [13: Лев Клейн, Тина Катаева. Профессор в законе: лагерь и природа человека. «Знание-сила», 2012]). Кроме того, в газетном дискурсе прилагательное «голубой» включается в неидиоматические составные наименования «голубые береты» (о российских десантниках: «Теперь именно так могут отвечать на замечания полиции поддатые голубые береты в свой профессиональный праздник» [13: Максим Володин. Десантуре официально разрешили бить бутылки об головы. Комсомольская правда, 2013.07.31]); «голубые каски» (о миротворцах ООН: «Даже американской армии было чему у нас поучиться при выполнении миссии в Боснии и Герцеговине, где наши «голубые каски» были в составе американской дивизии, — сказал Золотарев» [13: Наталья Сависько. Россия экипирует фиджийских миротворцев. Известия, 2013.07.09]).

Цветовые номинации с социальным компонентом в прагматической пресуппозиции

Несколько цветообозначений репрезентируют антропоцентрическую социальную семантику только в контекстах, т. е. в прагматической пресуппозиции, например:

- желтый — о журналистах, пишущих на основании слухов и сплетен о жизни известных людей («Сейчас желтые журналисты, папарацци скажут, и завтра заголовок выйдет “У Кристины Асмус муж полицейский”») [13: Михаил Небера. Радио «Комсомольская правда». Кристина Асмус: «В сериалы не всегда набирают по объявлению!». Комсомольская правда, 2013.02.05];
- «коричневые» — о представителях политической партии («На сходку собралось около 100 “коричневых”. Их главная цель — пройти в ландтаги на выборах, которые состоятся в этом году в ряде восточных земель. У них вполне реальные шансы получить представительства в парламентах Саксонии-Ангальт, Мекленбурга, берлинском сенате» [13: Олег Шевцов (Париж). Чужие здесь не ходят. Известия, 2011.01.17]);
- «оранжевые» — о работниках, одетых в форму оранжевого цвета («Бригада дворников восточной внешности в спешном порядке “наводит марафет”. Одни “оранжевые жилеты” сбивают лед, вторые чистят снег, другие убирают доски и веревки — это единственное, что осталось от палаток стихийного рынка» [13: Роман Кульгускин. Переходная война: родственники погибших выступили против РЖД. Аргументы и Факты, 2013.02.21]); о представителях оппозиционных политических сил («“Оранжевые”, опасаящиеся русификации Украины, намерены закон заболтать» [13: Янина Соколовская, Киев, Игорь Являнский. Русский язык на Украине тонет в поправках. Известия, 2012.06.19]). В XX в. слово «оранжевые» не имело социальной коннотации, но воспринималось как цвет радости, что отразилось в известной песне советского периода «Оранжевое небо, оранжевый верблюд», а в настоящее время, судя по контекстам, на первый план выходит негативная оценка из-за связи данного цвета с понятием «революция»: «И все оранжевые революции в мире показали, что никто не вышел из этой революции с хорошим государством и с переменами» [13: Василий Якеменко: «Ксения Собчак живет ровно по Лихачеву: ее убеждения фундаментально меняются время от времени». Комсомольская правда, 2012.05.24].

Как показывает анализ антропоцентрических цветообозначений в газетном дискурсе, наиболее частотными являются номинации футболистов преимущественно посредством субстантивированных прилагательных. Такие цветообозначения, которые, безусловно, носят социальный характер, поскольку свидетельствуют о принадлежности к профессии футболиста и к определенной команде, мотивированы цветом формы, которую носят представители того или иного футбольного клуба. Здесь представлено большое количество цветообозначений, включая те, которые не репрезентируют иные значения, кроме цвета предмета: «Вот ради них “фиолетовые” (об итальянской команде «Фиорентино» — примеч. наше. — А. Щ.) и отыгрались, сравнив счет за две минуты» [13: Егор Седов. ПСЖ проигрывает «Сошо», «Бастия» возвращается на собственный стадион.

Главные события 25-го тура Лиги 1. Советский спорт, 2013.02.18]; «“Желтые” (о дагестанской команде «Анжи» — примеч. наше. — А. Щ.) пытаются прорваться к чужим воротам, “черно-белые” (об английской команде «Ньюкасл» — примеч. наше. — А. Щ.) тоже, но безуспешно» [13: Денис Бутырский. Пердью не поддались. «Анжи» и «Ньюкасл» настолько промерзли в «Лужниках», что не смогли побаловать пожаловавших болельщиков забитыми мячами. Советский спорт, 2013.03.07] и др.

Примечательно, что в газетном дискурсе представленные выше цветообозначения с социальной коннотацией, называющие людей, появились как номинации новых понятий в истории России XXI в. (за исключением слова «коричневые» со значением представителей политической партии, поскольку оно связано с историей фашистской Германии, в частности с «коричневорубашечниками» — штурмовыми отрядами), что, очевидно, подтверждает важную функцию цветообозначений при характеристике разных представителей современного общества.

Таким образом, анализ цветовых номинаций *homo socialis* в лексикографических источниках и газетном дискурсе позволяет выделить ряд идеограмм с локализацией социальной семантики: ‘человек, принадлежащий к определенной расе в зависимости от цвета кожи’ (черный, белый, желтый); ‘человек, относящийся к определенному сословию или части сословия’ (белое духовенство, черное духовенство, черные люди); ‘человек, состоящий в политической партии, общественном движении; имеющий определенные политические убеждения’ (красные, белые, коричневые, зеленые, оранжевые); ‘человек, участвующий в противоправных действиях’ (зеленые, черные копатели, черные дайверы); ‘человек, находящийся на военной службе или участвующий в военных действиях’ (голубые береты, зеленые человечки); ‘человек, имеющий определенный социальный статус’ (синие воротнички, белые воротнички, белая кость); ‘человек, профессионально занимающийся футболом, состоящий в команде, символика которой связана с цветом’ (фиолетовые, желтые, зеленые); ‘человек, имеющий в обществе определенную репутацию’ (черная вдова, белая вдова, синяя борода); ‘человек, имеющий нетрадиционную сексуальную ориентацию’ (голубые, розовые) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братчикова Н. С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании: дисс. докт. филол. наук / Н. С. Братчикова. М., 2006. 349 с.
2. Василевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. С. Мищенко, С. Н. Кузнецова. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
3. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений / М. А. Грачев. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 1120 с.
4. Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы / О. В. Григоренко. Воронеж: Научная книга, 2009. 517 с.

5. Ермакова О. Б. Концептуализация цвета в русском языке: дисс. канд. филол. наук / О. Б. Ермакова. М., 2007. 345 с.
6. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): дисс. канд. филол. наук / С. В. Кезина. Брянск, 2010. 381 с.
7. Колесникова Т. И. Генезис концепта «цвет» в древнерусской и англосаксонской лингвокультурах: дисс. канд. филол. наук / Т. И. Колесникова. Тюмень, 2009. 204 с.
8. Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц / Л. П. Крысин // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988. С. 124-143.
9. Кульпина В. Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: дисс. докт. филол. наук / В. Г. Кульпина. М., 2002. 695 с.
10. Лопатин В. В. Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. М.: Эксмо, 2009. 928 с.
11. Лукашенко Е. С. Функционально-номинативный потенциал цветообозначений в контексте когнитивной парадигмы: дисс. канд. филол. наук / Е. С. Лукашенко. Нижний Новгород, 2011. 264 с.
12. Мокиенко В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
13. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru
14. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. 702 с.; Т. 2. К-О. 736 с.; Т. 3. П-Р. 750 с.; Т. IV. С-Я. 797 с.
15. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Наука, 1984-1991. Вып. 1-6; СПб.: Наука, 1992-2011. Вып. 2. Беспристрастный — Вейэр. 1985. 247 с.; Вып. 11. Крепость — Льяной. 2000. 256 с.
16. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство / Р. М. Фрумкина. М.: Наука, 1984. 175 с.
17. Чистякова Г. В. Концепт «желтый» в лингвокультуре: на материале английской и русской лингвокультур: дисс. канд. филол. наук / Г. В. Чистякова. Кемерово, 2009. 225 с.
18. Щетинина А. В. Характеристики человека в газетном дискурсе: опыт описания социальной лексики / А. В. Щетинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 172-178.

Anna V. SHCHETININA¹

COLOUR NOMINATIONS OF *HOMO SOCIALIS*¹

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of the Russian
and Foreign Languages,
Russian State Vocational
Pedagogical University (Yekaterinburg)
anna-73.schetinina@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the problem of social nominations of a person through colour characteristics. The relevance of the study is determined by the importance of analysing words with social semantics that form the fund of Russian social vocabulary, a full description of which has not been compiled yet. The analysis of adjectives, substantives and phraseological combinations, as well as non-idiomatic composite items, presented in lexicographical sources and newspaper discourse, is made. It is noted that, as shown by a semantic and discursive analysis of the lexis, social semantic multipliers can be localized both in assertive zone of meaning and semantic presupposition. In addition, the social connotations can be represented in pragmatic presuppositions, in particular in newspaper discourse, and they can serve as a source for creating new meanings.

The author analyzes the color nominations of *homo socialis*, in which the social component is present in assertive and presuppositional zones of meaning. Material is extracted from explanatory dictionaries and includes linguistic facts from different idioms. It is shown that the colour nominations of people were recorded in the dictionaries of different historical periods, but they are most relevant and productive in the present. The author forms ideograms of colour nominations of anthropocentric sphere. Comments are given to the peculiarities of localization of social semantics.

---

¹ The study is supported by Russian Science Foundation (project no 16-1802075 “Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics”).

Citation: Shchetinina A. V. 2017. “Colour Nominations of *Homo Socialis*”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 1, pp. 57-71.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-57-71

Keywords

Social lexis, social semes, ethnolinguistics, colour nominations, assertive / presuppositional zones of meaning.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-57-71

REFERENCES

1. Bratchikova N. S. 2006. "Tsvetovaya kartina mira v finskom i russkom yazykovom soznani" [Color Picture of the World in the Finnish and Russian Language Consciousness]. Dr. Sci. (Philol.) diss. Moscow.
2. Chistyakov G. V. 2009. 'Koncept 'zheltiy'" v lingvokul'ture: na materiale anglijskoj i russkoj lingvokul'tur" [Concept "Yellow" in the Linguistic Culture: on the Material of English and Russian Linguocultures]. Cand. Sci. (Philol.) diss. Kemerovo.
3. Ermakova O. B. 2007. "Kontseptualizatsiya cveta v russkom yazyke" [Conceptualisation of Colors in Russian]. Cand. Sci. (Philol.) diss. Moscow.
4. Frumkin R. M. 1984. Cvet, smysl, shodstvo [Color, Meaning, Similarities]. Moscow: Nauka.
5. Grachev M. A. 2003. Slovar' tysyacheletnego russkogo argo: 27 000 slov i vyrazhenie [Millennial Russian Slang Dictionary: 27,000 Words and Expression]. Moscow: Ripol Klassik.
6. Grigorenko O. V. 2009. Novye naimenovaniya lits v sovremennom russkom yazyke. Slovarnye materialy [New Names for Persons in the Modern Russian Language. Dictionary Materials]. Voronezh: Nauchnaya kniga.
7. Kezina S. V. 2010. "Semanticheskoe pole cvetooboznachenij v russkom yazyke (diahronicheskij aspekt)" [The Semantic Field of Color Terms in the Russian Language (A Diachronic Aspect)]. Cand. Sci. (Philol.) diss. Bryansk.
8. Kolesnikova T. I. 2009. "Genezis koncepta 'tset' v drevnerusskoj i anglosaksonskoj lingvokul'turah" [Genesis of "Colour" Concept in Old Russian and Anglo-Saxon Linguistic Cultures]. Cand. Sci. (Philol.) diss. Tyumen.
9. Krysin L. P. 1988. "Sotsial'nyy komponent v semantike yazykovykh edinic" [Social Component in the Semantics of Language Units]. In: Vliyanie sotsial'nykh faktorov na funkcionirovanie i razvitiye yazyka [The Impact of Social Factors on Functioning and Development of a Language], pp. 124-143. Moscow.
10. Kulpina V. G. 2002. "Teoreticheskie aspekty lingvistiki tsveta kak nauchnogo napravleniya sopostavitel'nogo yazykoznanija" [Theoretical Aspects of Linguistics of Color as a Scientific Field of Comparative Linguistics]. Dr. Sci. (Philol.) diss. Moscow.
11. Lopatin V. V. 2009. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka [The Explanatory Dictionary of Modern Russian]. Moscow: Eksmo.
12. Lukashenko E. S. 2011. "Funktsional'no-nominativnyy potentsial tsvetooboznacheniy v kontekste kognitivnoy paradigmy" [Functional Nominative Potential of Color Terms in the Context of a Cognitive Paradigm]. Cand. Sci. (Philol.) diss. Nizhny Novgorod.
13. Mokienko V. M. 1998. Tolkovyj slovar' yazyka Sovdepii [The Explanatory Dictionary of the Sovdepiia Language]. St. Petersburg: Folio-Press.

14. Natsional'niy korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus].
www.ruscorpora.ru
15. Russkiy yazyk, Poligrafresursy. 1999. Slovar' russkogo yazyka [The Dictionary of the Russian Language] in 4 vols. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
16. Shchetinina A. V. 2016. "Kharakteristiki cheloveka v gazetnom diskurse: opyt opisaniya social'noj leksiki" [Human Characteristics in the Newspaper Discourse: The Experience of Describing Social Vocabulary]. *Philology. The Issues of Theory and Practice*, no 8(62), part 2, pp. 172-178. Tambov: Diploma.
17. USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian language. 1984-2011. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [The Dictionary of Russian of the XVIII Century], vol. 2. *Bespristrastniy-Veiyyer* (1985), vol. 11. *Krepost'-L'nyanoy* (2000). Edited by Yu. Sorokin. Leningrad: Nauka (Vols 1-6. 1984-1991); St. Petersburg: Nauka (1992-2011).
18. Vasilevich A. P. 2005. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and Color Names in the Russian Language]. Moscow: KomKniga.